

VII. ИСТОРИЯ ГЕОЛОГИИ

М. А. Камалетдинов

ВЫДАЮЩИЙСЯ РОССИЙСКИЙ ГЕОЛОГ АКАДЕМИК А. В. ПЕЙВЕ (к 100-летию со дня рождения) (1909–1985)

В 1959 г. в Москве состоялось геологическое совещание, приуроченное к семидесятилетию юбилею академика Д. В. Наливкина, на которое я приехал из города Стерлитамака. После окончания заседаний Василий Алексеевич Балаев — профессор Саратовского университета, с которым нас связывали дружеские отношения, пригласил меня посетить с ним Геологический институт АН СССР. Я был наслышан об этом институте, в котором работали крупнейшие ученые страны, и согласился. Сначала мы решили нанести визит академику Николаю Михайловичу Страхову, всемирно известному ученому — литологу, которого Балаев знал с сороковых, военных лет, когда Н. М. Страхов вместе с другими учеными АН СССР был эвакуирован в Уфу. Василий Алексеевич, живший в то время тоже в Уфе, рассказал мне, что Страхов, в ущерб вещам первой необходимости (провоз багажа был лимитирован), привез из Москвы домашнюю библиотеку, которой очень дорожил. Но в 1941–1942 гг. голод был таким сильным, что он был вынужден продавать свои книги на городском рынке, чтобы купить продукты... Референт Николая Михайловича встретила Василия Алексеевича радушно, как старого знакомого, и проводила нас в кабинет Страхова, объяснив, что он с минуты на минуту должен подъехать. В ожидании хозяина кабинета я подошел к окну, выходящему на Пыжевский переулок, и, к своему удивлению, увидел на противоположной стороне серое шестиэтажное здание, в котором мы с родителями жили до 1937 г. С тех пор прошло 22 года. В этом доме в то время располагался трест «Цветметзолото» Союза, верхний этаж которого занимали семьи сотрудников треста, включая и нас. В 1937 г. весь инженерный корпус треста во главе с наркомом Тяжпрома СССР А. П. Серебровским был репрессирован и расстрелян. Мне тогда было 9 лет.

Вскоре зашла референт и сообщила, что Николай Михайлович задерживается и просит его извинить. Мы посетили еще несколько кабинетов, где В. А. Балаев знакомил меня с геологами, из которых я запомнил лишь И. В. Хворову, ранее работавшую на западном склоне Башкирского Урала

вместе со своим мужем В. Е. Руженцевым, известным исследователем пермской системы. Директором ГИНа был академик Н. С. Шатский, с которым В. А. Балаев был также знаком. Нам объявили, что он болен. Среди тектонистов ГИНа, возглавлявшихся Н. С. Шатским, работали такие крупные геологи, как А. В. Пейве, А. Л. Яншин, П. Н. Кропоткин, Н. П. Херасков, М. В. Муратов, А. А. Богданов, Ю. М. Пушаровский, Н. А. Штрейс, Ю. А. Косыгин. Каждый из них являл собой яркую, самобытную личность, и хотя между ними существовали научные разногласия, вместе они составляли крепко спаянный коллектив, сложившийся еще при А. Д. Архангельском. Надо полагать, что эта дружба помогла многим ГИНовским ученым пережить времена сталинских репрессий. «А времена, — как пишет Ю. М. Пушаровский, — для науки тогда были свирепые. Поощрялась самая беспощадная травля ученых, подозреваемых в так называемом «отступничестве» от идей марксизма и в разных других смертных грехах. Можно только поражаться, откуда в научной среде взялась такая масса лиц, стремящихся выискать подобных «отступников». И не измерить зла и горя, которое этим было причинено и науке, и людским судьбам» [Пушаровский, 1999].

Александр Владимирович Пейве стал директором Геологического института АН СССР в 1960 г., после смерти Н. С. Шатского, и возглавлял его в течение 25 лет. В то время он был уже известен как крупный ученый, разработавший учение о глубинных разломах, получившее широкое признание в стране и за рубежом.

Первую половину своей научной жизни он, как и все советские геологи, не был мобилистом, и в беседах с нами нередко говорил: «Когда я был фиксистом, то думал иначе». В 1964 г. ему предстояло баллотироваться в академии, и менять перед этим свои научные взгляды не самое подходящее время. Однако он предпочел истину. Прежде чем стать мобилистом, А. В. Пейве побывал в 33 странах мира, где видел шарьяжи и знакомился с ведущими зарубежными геологами. Окончательно его убедили, как он рассказывал, аллохтонные структуры Италии,

которую он посетил одной из последних, исколесив ее вместе с итальянскими коллегами вдоль и поперек (инкогнито проезжая через расположенные там американские военные базы). Еще в 1956 г. в известной статье о глубинных разломах А.В. Пейве выступал со старых позиций, но уже в статье 1961 г. он пишет: «Признание глыбового характера структуры земной коры и большой роли горизонтальных перемещений ее отдельных блоков — вот главное звено современной теоретической тектоники» [Пейве, 1961].

С тех пор Александр Владимирович становится лидером советских мобилистов и считает себя обязанным возглавить тектоническую революцию в стране. Он лучше других понимал, насколько отстала наша геология, избравшая для себя, как он говорил, тупиковый путь. Массы, как правило, следуют за авторитетами, и А.В. Пейве старался использовать свой козырь. Правда, и здесь не все обстояло просто. Авторитеты в стране назначались властью из числа деятелей, «беззаветно преданных партии и правительству». Мобилизм же продолжал считаться «чужим», занесенным с буржуазного запада. Идейным вождем советской геотектоники значился член-корреспондент АН СССР В.В. Белоусов, славивший отечественную геологию как самую передовую, отвечающую «великому марксистско-ленинскому учению». Из множества оппонентов Александра Владимировича он был самым грозным и влиятельным: много писал, был автором объемных монографий и учебников по геотектонике, по которым учились студенты многих поколений, настойчиво отстаивал свои взгляды на геологических совещаниях. Позицию В.В. Белоусова, как патристическую, «наверху» всячески поддерживали. В связи с этим примечателен следующий эпизод, рассказанный нам Александром Владимировичем. В 1964 г. состоялось Общее собрание АН СССР, с выборами новых членов академии. Перед началом собрания вице-президент АН СССР А.П. Виноградов просил каждого академика-выборщика проголосовать за В.В. Белоусова, на что получил от каждого согласие. Однако избрали академиком А.В. Пейве. Раздосадованный А.П. Виноградов после этого сердито ворчал: «Ни одному академику верить нельзя».

Итак, шестидесятые и семидесятые годы в геологии были переломными. Многолетнее господство фиксистской парадигмы сменялось признанием идей мобилизма. Процесс этот, как уже отмечалось, протекал с рецидивами, активным сопротивлением консервативной стороны. Странников мобилизма в коллективах по-прежнему игнорировали, обвиняли в преклонении перед «лженаукой», вынуждали скрывать свои научные пристрастия. Даже

в Академии наук многие ученые оказались не способными изменить свой вектор сознания и остались фиксистами. Геологический институт АН СССР, директор которого развивал исследования мобилистского направления, в те годы был подобен лучу света в темном царстве.

Об исследованиях башкирских геологов А.В. Пейве узнал в 1965 г., когда стал издаваться новый журнал «Геотектоника». Случилось так, что статья А.В. Пейве «Горизонтальные движения земной коры и принцип унаследованности» и моя «К вопросу о покровной тектонике Урала в свете новых данных» были напечатаны в первом же номере этого журнала. Летом того же года в Стерлитамаке ко мне в кабинет вошел, держа в руке названный журнал, Петр Николаевич Кропоткин. Я тогда работал главным геологом геолого-поисковой конторы в системе «Башнефти». П.Н. Кропоткин был крупным ученым, членом-корреспондентом АН СССР¹, старинным другом А.В. Пейве, заведовал лабораторией геофизики в ГИНе. Ко мне он заехал проездом на западный склон Урала, где изучал тектонику рифейских толщ. С Петром Николаевичем мы договорились о совместных экспедициях, которые в дальнейшем были осуществлены в полном объеме. Вместе с ним, а также с Т.Т. Казанцевой и Ю.В. Казанцевым мы много лет выезжали в разные районы Урала для совместных исследований зон развития покровных структур. Иногда к нам присоединялся сотрудник ГИНа известный геофизик, профессор Р.А. Гафаров.

П.Н. Кропоткин был человеком особенным, с широким кругом интересов и мощной научной интуицией. Он нередко высказывал идеи, казавшиеся современникам фантастическими. Некоторые геологи называли Петра Николаевича увлекающимся. Так у нас принято в мягкой форме порицать нестандартно мыслящего, талантливого человека со стороны среднестатистических специалистов. Среди советских геологов он стал мобилистом одним из первых.

Много раз мы бывали в гостях друг у друга в Уфе и в Москве, помногу часов засиживались за разговорами о геологии, астрономии и даже политике. Я видел, что ему с нами интересно и что мы наиболее близки ему по духу. Он оставался нашим близким другом до конца своей жизни.

В 1967 г. А.В. Пейве просил меня принять участие в экспедиции на Урал, организованной ГИНОм для американского ученого, профессора Джона Роджерса — крупного знатока геологии США, особенно Аппалач. Вместе с Роджерсом из Москвы

¹ член-корреспондент АН СССР с 1966 г., академик с 1992 г. (Прим. ред.)

приехал сотрудник ГИНа профессор Б.М. Келлер, с которым мы были хорошо знакомы и ранее совершили несколько совместных экспедиций. Наш небольшой отряд состоял из четырех геологов — Дж. Роджерс, Б.М. Келлер, Т.Т. Казанцева и я, шофера и лаборанта-повара. Б.М. Келлер был одним из лучших знатоков геологии докембрия, а наша с Т.Т. Казанцевой задача состояла в демонстрации Дж. Роджерсу шарьяжных структур.

Дж. Роджерсу было уже за шестьдесят, но он был неутомимым геологом, жадным до новых знаний, и поэтому мы работали с утра до вечера. Он вполне сносно говорил по-русски, который специально выучил перед поездкой в СССР.

В первый же день у нас произошел казус, который чуть не расстроил всю экспедицию. Дело в том, что из-за режима секретности мы не смогли взять с собой ни геологические, ни топографические карты, рассчитывая, что их привезет с собой Б.М. Келлер, который в свою очередь понадеялся на нас. Оказалось, что по первоначальному замыслу в экспедиции должен был принять участие сам А.В. Пейве, который неожиданно заболел перед самым выездом, и поэтому вместо него приехал Борис Максимович, не успевший собрать необходимые материалы. На первом же обнажении Дж. Роджерс попросил показать, его местоположение на геологической карте, чем привел нас в замешательство. Видя нашу растерянность, он достал из своей полевой сумки геологическую карту Урала масштаба 1:200000, прекрасно изданную на английском языке, которой мы пользовались во время всей экспедиции.

В течение десяти дней мы осмотрели разрезы и структуры Башкирского антиклинория, Зилаирского синклинория, гор Крака и некоторые другие объекты. Экспедицией на Урал Дж. Роджерс остался доволен и по приезде в Москву положительно отозвался о наших исследованиях, подтвердив существование всех показанных ему шарьяжей. Услышать такое заключение из уст крупнейшего зарубежного тектониста для А.В. Пейве было очень важно, поскольку до сих пор простая складчатая структура Урала считалась надежно и окончательно установленной. Этому мнению придерживались и западные ученые, считавшие Урал эталоном герцинской (варисской) складчатой области с хорошо изученной геологией. Еще в 1926 г. выдающийся немецкий геолог С. Бубнов писал, что для Урала свойственна малая интенсивность складчатости, и здесь можно допускать существование лишь небольших надвигов, но следы покровной тектоники отсутствуют.

С тех пор во многих сотнях публикаций и на всех геологических и тектонических картах этот вывод, казалось, окончательно утвердился. В официальном государственном издании «Геология СССР»

(т. XIII, 1964) Урал рассматривается как совокупность крупных антиклинориев и синклинориев, осложненных вертикальными разломами.

Поэтому открытие шарьяжей на Урале оказалось полной неожиданностью.

На чьей стороне истина?

Как любой крупный ученый, А.В. Пейве очень дорожил своей научной репутацией и считал, что шарьяжное строение каждой складчатой области необходимо надежно доказать. Даже после длительного знакомства с нами сообщение о том, что горный Крым, как и Урал, имеет аллохтонно-шарьяжное строение, он не принял на веру, решив в этом сам удостовериться. Мы тогда наметили совместную экспедицию в Крым, которая, к сожалению, не была осуществлена из-за болезни Александра Владимировича.

Летом 1969 г. А.В. Пейве наконец сам приехал на Урал в сопровождении сотрудников ГИНа: И.В. Хворовой, С.В. Руженцева и А.С. Перфильева. Это была группа ученых, хорошо знающих геологию Урала, с которыми работал А.В. Пейве. За две недели мы осмотрели Мурадымовский шарьяж, сложенный девонскими рифогенными известняками и флишем, надвинутыми на песчано-глинистый средний карбон, гипербазиты гор Крака с серпентинитовым меланжем, состоящим из глыб офиолитовой ассоциации, обширный и сложный Сакмарский аллохтон с экзотическими глыбами кембрийских археоциатовых известняков, а также пород ордовика и силура в зонах меланжа. Постелью Кракинского и Сакмарского шарьяжей является песчано-глинистый флиш зилаирской свиты фаменского яруса верхнего девона.

Особый интерес у А.В. Пейве вызвали гипербазиты гор Крака и Сакмарского аллохтона с их зонами меланжа, содержащими все элементы знаменитой штейнманновской триады. Это объяснялось тем, что перед поездкой на Урал Александр Владимирович сдал в редакцию журнала «Геотектоника» статью «Океаническая кора геологического прошлого», которая еще не была опубликована [Пейве, 1969]. В ней на примерах складчатых областей Альпийско-Гималайского пояса приводятся данные об аллохтонном залегании фрагментов океанической коры, сложенной гипербазитами, габброидами, кремнистыми сланцами и пелагическими известняками, во многих горных районах названного пояса. В результате была разгадана природа офиолитовой ассоциации, оставшаяся неразрешимой загадкой более шестидесяти лет.

В названной выше статье А.В. Пейве все примеры по офиолитам относятся к молодой альпийской зоне складчатости. Урал же в этом плане представляет особый интерес. Здесь выходы гипербазитов

однозначно считались интрузиями, внедрившимися из больших глубин в осадочную толщу в процессе герцинской складчатости. Доказательству интрузивной природы уральских гипербазитов посвятили свои труды А.Н. Заварицкий, Б.М. Романов, Д.Г. Ожиганов, В.П. Логинов, Д.С. Штейнберг и многие другие крупные исследователи.

Поэтому наше с Т.Т. Казанцевой заявление об аллохтонном залегании всех ультраосновных массивов Урала вызвало бурю протестов со стороны многих геологов. Особенно резкими были выступления свердловских ученых. Сегодня уже большинство из них признали, что офиолиты представляют фрагменты коры Уральского палеоокеана, тектонически налегающие на более молодые отложения субплатформенного палеозоя, а тогда приглашение со стороны А.В. Пейве Т.Т. Казанцевой в ГИН для защиты кандидатской диссертации по массивам Крака выглядело как некий вызов уральским геологам.

В феврале 1969 г. А.В. Пейве исполнилось 60 лет, и накануне приезда к нам он перенес тяжелую операцию на желудке. Мы, естественно, беспокоились за его здоровье и пытались создать щадящий режим работы. Он же считал себя достаточно оправившимся от болезни и наравне со всеми преодолевал пешие переходы по сложно пересеченной местности. Уральское бездорожье и горный рельеф ему не были в новинку. Вместе с тем старая, прошлогодняя тушенка, из которой нам варили супы, ему не годилась, и Александру Владимировичу готовили отдельно свежий куриный бульон без соли, за чем строго следила Ирина Васильевна Хворова. Благо, что с покупкой кур в деревнях проблемы не было.

Сразу после возвращения из башкирской экспедиции А.В. Пейве прислал директору нашего института Б.М. Юсупову письмо с высокой оценкой наших исследований и предложением о дальнейших совместных работах на Урале.

Осенью того же года на ученом совете ГИНа я, по приглашению А.В. Пейве, выступил с докладом о шарьяжном строении Урала. Председательствовал сам Александр Владимирович, предложивший мой доклад считать предзащитой докторской диссертации. При обсуждении доклада я с некоторым удивлением увидел, что фиксистские взгляды не чужды здешним сотрудникам. После заседания совета ко мне подошел С.В. Руженцев и сказал, что ему неудобно за тех ученых ГИНа, которые продемонстрировали непонимание проблем мобилизма. Оказалось, что и здесь были свои «вертикалисты», как называл их Александр Владимирович. И даже среди его ближайшего окружения.

Защита кандидатской диссертации Т.Т. Казанцевой состоялась в ГИНе в 1970 г. На ней присут-

ствовал известный американский геолог Э. Бейли. Александр Владимирович сам переводил доклад Тамары Тимофеевны на английский язык. «Пусть знает, что и у нас проводятся исследования на самом переднем крае науки», — говорил он, довольное улыбаясь.

В последующие годы А.В. Пейве организовывал экспедиции на Урал неоднократно, для участия в которых каждый раз приглашал и меня. С ним часто приезжал Н.А. Штрейс — выдающийся ученый, великолепный человек, старинный друг А.В. Пейве. Однажды мы вместе со свердловскими геологами совершили поездку на Лысую Гору на Северном Урале. Нас на вертолете высадили на вершину горы, действительно голую, сложенную гипербазитами, откуда мы стали спускаться пешком уже в густом лесу, отыскивая редкие обнажения спилитов и диабазов.

По доступности и представительности Лысая Гора сильно уступает Кракинским горам, где хорошо обнажены контакты между гипербазитами и подстилающими осадочными образованиями, а также зоны серпентинитового меланжа, образующие живописные сказочные ландшафты, легко доступные для исследователя, благодаря слабой залесенности и низкогорному рельефу.

После осмотра Лысой Горы в Свердловске состоялось обсуждение увиденного вместе с местными геологами. С мобилистской трактовкой настоящего объекта, изложенной А.В. Пейве, кажется, все согласились, за исключением И.Д. Соболева, с которым состоялась достаточно длительная дискуссия, свидетелем которой я был.

Александр Владимирович говорил, как всегда, неторопливо, тщательно подбирая слова, что делало его речь очень убедительной. При этом он внешне выглядел невозмутимо спокойным. И.Д. Соболев, еще в 1940 г. участвовавший в экспедиции Заварицкого, объявившей об отсутствии на Урале шарьяжей, остался верен своим старым взглядам. Среди свердловских геологов он пользовался большим авторитетом, был главным редактором геологической карты Урала масштаба 1:1 000 000, вышедшей в 1971 г. Эта карта была издана в фиксистском варианте, и на ее основе готовилась к изданию карта полумиллионного масштаба. И.Д. Соболев, упорно отстаивал свое детище. А.В. Пейве так и не смог его убедить доработать карту, и каждый остался при своем мнении.

Издавать геологическую карту в фиксистском варианте было нельзя, поскольку это означало выпускать заведомый брак, не учитывающий новые данные, в первую очередь по Башкирскому Уралу. Однако оппоненты, настаивающие на издании карты, привели в свою пользу ряд формальных

доводов, которые сочли более весомыми: во-первых, макет карты (в составлении которой принял участие большой коллектив уральских геологов) был полностью готов; во-вторых, он прошел все экспертизы и утвержден к печати высокими инстанциями, в-третьих, карта вошла в план выпуска Министерства геологии СССР. Ее издали в 1979 г.

Александр Владимирович продолжил свои мобилистские «проповеди», которые теперь распространил и на Казахстан. Запомнилась мне совместная с Александром Владимировичем экспедиция в Мугоджары, в которой участвовали казахские геологи во главе с директором Института геологических наук в Алма-Ате академиком Казахской АН А.А. Абдулиным.

Мугоджары — это обширное ровное плато, однообразный пейзаж, большие расстояния и редкие обнажения по берегам малых рек. Можно ехать в любом направлении, словно по дороге, чем пользуются охотники за сайгаками, не оставляя жертвам никаких шансов. Стада этих быстроногих и удивительно грациозных антилоп в мугоджарских степях уже в то время катастрофически сокращались из-за браконьеров, отстреливавших их ночью, окружив и ослепив светом автомобильных фар.

От сильной жары днем мы спасались крепким чаем. В один из вечеров А.А. Абдулин по казахскому обычаю зарезал барана и устроил дружеский ужин. Все расположились под большим брезентовым навесом. Александр Владимирович в качестве почетного гостя восседал на месте аксакала, подобно вождю восточного племени. Как и все великие люди, он не был лишен честолюбия, но оно сочеталось у него с большой скромностью.

В 1972 г., завершив работу над своей докторской диссертацией по покровным структурам Урала, я передал ее директору нашего института Б.М. Юсупову.

Содержание диссертации принято докладывать вначале на Ученом совете своего института с тем, чтобы получить «добро» на окончательную защиту. Но Б.М. Юсупов неожиданно предложил мне сразу ехать в Москву, в ГИН и пройти эту процедуру там, с тем, чтобы об этом даже не знали в Уфе.

Когда я прибыл к А.В. Пейве, он тотчас вызвал к себе секретаря и сказал, чтобы меня пропустили вне очереди. Это, как я помню, вызвало недовольство некоторых сотрудников ГИНа, стоявших в очереди на защиту. Заседание Ученого совета с моей защитой прошло под председательством Александра Владимировича успешно (все «за» и один испорченный бюллетень).

Следует сказать, что в то время я не осознал в должной мере значения поспешности и предосторожностей, предпринятых А.В. Пейве и Б.М. Юсу-

повым, считая их излишними, хотя вслух это не высказывал. Со свойственной неискушенным людям самонадеянностью я полагал, что факты упрямая вещь и против них «нет приемов». Мои умудренные опытом покровители считали иначе и оказались правы. Позднее я тоже встречал «ученых», для которых факты ровно ничего не значат, для них важна лишь политика. Вот от кого огромный вред науке.

Скрытый «потенциал» фиксистов оказался крайне живучим и выплеснулся наружу спустя десять лет, когда в 1982 г. с защитой докторской диссертации вышел Ю.В. Казанцев.

К этому времени уже восемь лет как я работал директором Института, в котором мобилизм получил законное «гражданство» и проводились ежегодные Всесоюзные семинары по шарьяжной тектонике, собиравшие большое количество участников. В дискуссию с нами оппоненты не вступали, но, как оказалось, свой антимобилистский пыл не утратили. На работу Ю.В. Казанцева посыпались письма и телеграммы из Уфы в Ученый совет Новосибирска, где он защищался, и в ВАК с требованиями не утверждать его диссертацию. Оппоненты добились того, что ВАКом было организовано несколько дополнительных экспертиз, из-за которых утверждение работы Ю.В. Казанцева задержалось более чем на год. Правда, проверки сыграли и свою положительную роль. В «Вестнике ВАКа» работа Казанцева была отмечена как лучшая докторская диссертация 1982 г.

Директором Института геологии Башкирского филиала АН СССР я стал в 1974 г. по инициативе А.В. Пейве, заинтересованного в развитии мобилистских идей на Урале. Представители старшего поколения ученых нашего института, опасаясь за свою судьбу, стали писать знакомым академикам, чтобы не допустить моего утверждения на пост директора. Одно из таких писем получил академик А.Л. Яншин, переславший его академику-секретарю Отделения геологии, геофизики и геохимии АН СССР, В.И. Смирнову с просьбой внимательно ознакомиться и разобраться.

По своим научным взглядам В.И. Смирнов был убежденным фиксистом, и я ехал в Москву для беседы с ним, не рассчитывая на благополучный исход. Неожиданно он встретил меня очень любезно и обещал полную и решительную поддержку. Вероятно, он предварительно поговорил с А.В. Пейве, который хорошо знал авторов письма. В дальнейшем с Владимиром Ивановичем Смирновым у меня сложились самые добрые отношения, и мы неоднократно встречались с ним и после того, как он оставил должность академика-секретаря.

В 1979 г. по письмам оппонентов состоялось обсуждение научной деятельности нашего Институ-

та при президенте АН СССР Г.И. Марчуке, с участием членов Секции наук о Земле. В этих письмах мобилизм вновь объявлялся чуждым советской геотектонической школе прозападным течением, не имеющим подтверждения на практике. Заседание проходило без моего участия, вероятно, из этических соображений или потому, что я не являлся членом секции. Как рассказал мне Александр Владимирович, в мою поддержку выступили А.Л. Яншин, В.Е. Хаин, Ю.А. Косыгин и другие ученые, а также вице-президент АН СССР академик А.В. Сидоренко, заверивший Г.И. Марчука, что Институт геологии в Уфе полностью обеспечивает геологическую науку в Волго-Уральском регионе. После этого заседания оппоненты, как мне показалось, присмирели, что явилось очередным заблуждением.

Почти каждый раз, когда я бывал в Москве, А.В. Пейве приглашал меня к себе домой. Если мы приезжали с Казанцевыми, он приглашал всех троих. Разговоры были о геологии, которую он беззаветно любил. Все, что отвлекало от его научных интересов, он старался не обсуждать. У него не было хобби, кроме геологии, которой посвятил всего себя. Он жил этой наукой, как пророк, считая своей главной миссией на Земле обратить как можно больше советских тектонистов в истинную мобилистскую «веру». И спешил это делать.

Роза Игнатьевна — жена А.В. Пейве, женщина удивительно добрая и приветливая, каждый раз угощала нас вкусным и обильным ужином. Чай подавался спустя полчаса, что делалось по совету врачей (чтобы не разбавлять желудочный сок). И хотя для нас, любителей чая, это было непривычно, за интересной и оживленной беседой время летело стремительно.

Однажды Александр Владимирович встретил нас с Казанцевыми дома, заявив с порога: «Свердловчане предали нас». Оказалось, что свердловские геологи, с энтузиазмом, как казалось, воспринимавшие идеи А.В. Пейве, позже пришли к мнению о том, что Урал представляет выжатую снизу вверх структуру, растекающуюся в разные стороны — на запад и восток. Это была одна из фиксистских моделей строения Урала. Александр Владимирович болезненно воспринял такой поворот событий, считая, что все усилия его оказались напрасными. «Один мудрец нам говорил, что доказательства воспринимаются лишь подготовленным умом», — напомнил я ему. Александр Владимирович понял и рассмеялся. А дело было так.

Еще в первый приезд на Урал при осмотре серпентинитового меланжа гор Крака Александр Владимирович спросил Т.Т. Казанцеву, для чего накопано так много шурфов? Тамара Тимофеевна ответила, что иначе невозможно никому доказать,

что выходы кремней здесь представляют отдельные глыбы, хаотически разбросанные по площади, а не протяженные пласты, как считали до нас. Александр Владимирович на это сказал: «Не надо никому ничего доказывать и напрасно терять время. Когда наберутся ума, сами поймут». Эта была та простая истина, которая приходит с опытом. Но «по жизни» эта истина каждый раз забывается, а надежда, что поймут, остается. Вот и свердловские «новообращенцы» возвратились к старым идейным корням, забыв о доказательствах¹. Мы ему напомнили, что подобное толкование уже имело место в отношении Зилаирского синклиория и гор Крака, что вынудило нас выступить с критической статьей в «Геотектонике» в 1977 г. Александр Владимирович с нами согласился, и мы продолжили разговор на другие интересующие нас темы, в основном о новых данных геологических съемок, сейсмоки и глубокого бурения, которые в те годы проводились на Урале в большом объеме.

В отличие от многих других ученых, Александр Владимирович был очень благодарным слушателем и высоко ценил новую информацию, считая факты хлебом ученого. Новые данные запоминал, осмысливал, сопоставлял, иногда о них вспоминал спустя много времени. Он говорил: «Самое большое наслаждение в жизни — это думать». Вообще обладал глубоким философским умом, который проявлялся постоянно, даже в мимолетных высказываниях. Например, часто повторял, что геолог видит в обнажении лишь то, что знает. В этом коротком определении содержится ответ на извечный вопрос, что является первичным: теория или практика? В геологии, как и в жизни, эти понятия так тесно переплелись между собой, что по одиночке немислимы.

Александр Владимирович Пейве среди геологов не только нашей страны, но и всего мира считался одним из самых крупных ученых, и каждый его приезд к нам являлся большим событием в научной жизни Башкортостана и всего Урала. Многие геологи, в том числе «вертикалисты», просились поучаствовать в совместной экспедиции, надеясь с ним познакомиться и завязать деловые отношения. А.В. Пейве обычно никому не отказывал. Но когда они во время поездок пытались с ним завести разговор на посторонние, не связанные с геологией темы, он был холоден и беседу не поддерживал. Поэтому больше одного раза никто из этих людей с нами не выезжал. Вообще в выборе новых знакомств он был очень разборчив и

¹Были в Свердловске в это время и убежденные мобилисты — составители тектонической карты Урала (1976) и Объяснительной записки к ней (1977). Карта делалась под идейным руководством А.В. Пейве. — *Прим. ред.*

осторожен, отличаясь этим от А.Л. Яншина, круг знакомых которого был широк, а темы для разговоров чрезвычайно разнообразны.

Несмотря на внешнюю суровость и неприступность, А.В. Пейве был очень душевным и ранимым человеком, что, может быть, и было причиной его некоторой отчужденности и закрытости. Когда же требовалось защитить справедливость и истину, которые он ставил выше других человеческих ценностей, он становился жестким и непреклонным. Был способен на уничтожающие характеристики оппонентов, однако никогда не повышал голос и не позволял себе бранных слов. Замечу, что любовь к справедливости и истине, свойственная сильным личностям, со временем и по мере продвижения по службе обычно становится неудобной и пропадает. Малому числу даже крупных ученых удавалось пронести ее через всю жизнь, как это сделал А.В. Пейве.

В постоянном общении Александр Владимирович был мудрым и добрым человеком, остерегался ранить собеседника резким словом, очень дорожил дружбой, был обязательным, надежным и благодарным. Он искренне радовался каждому, даже небольшому успеху и огорчался, когда видел, что его не понимают. Полностью самим собой он был дома, где мог расслабиться и где царили любовь и согласие, более всего отвечавшие состоянию его души.

В 1980 г. мы с Казанцевыми выпустили первую «мобилистскую» геологическую карту для территории Башкирии. Масштаб 1:600 000 делал ее доступной для общего пользования. Александр Владимирович, посмотрев на нее, сказал, что такую карту следует составить для всего Урала. Мы рассказали ему, какие бюрократические препоны при издании карты возникали. Нам не удалось включить в карту даже непосредственно примыкающую к Башкирии часть Челябинской области, в частности Уфимский амфитеатр, где мы провели детальные геологические съемки, а также пробурили несколько глубоких скважин, существенным образом изменив старые представления о строении этого района. Александр Владимирович заметил, что раньше, когда геологические карты относились к компетенции академических учреждений, и этим занимался А.Д. Архангельский, существовал здравый смысл. Бездумно закрывая геологическую информацию, некомпетентные чиновники наносят стране экономический ущерб. За границей этому удивляются и над нами посмеиваются.

В 1983 г. Александр Владимирович принял участие в работе выездной сессии Отделения геологии, геофизики, геохимии и горных наук АН СССР в Башкортостане. В этом мероприятии, возглавлявшемся вице-президентом АН СССР академиком

А.Л. Яншиным и академиком-секретарем ОГГГ АН СССР академиком Б.С. Соколовым, кроме А.В. Пейве участвовало еще восемь членов академии: А.А. Трофимук, В.Е. Хаин, В.Д. Наливкин, Е.Е. Милановский, П.Н. Кропоткин, Н.И. Хитаров, А.М. Дымкин, Р.Г. Гарецкий. Вместе с Александром Владимировичем приехала и Роза Игнатъевна. Мы выезжали на Урал, в Мурадымовское ущелье, расположенное в живописной долине Большого Ика, где пробыли три дня. Ежедневно после маршрутов происходило оживленное обсуждение геологии Урала, длившееся обычно до темноты.

В постановление выездной сессии был включен пункт, считать наш институт головным академическим учреждением страны по изучению шарьяжной тектоники.

В Мурадымово мы с А.В. Пейве выезжали не в первый раз, и хотя он не любил посещать объекты повторно, поездкой остался доволен. Был в приподнятом настроении, и по возвращении в Уфу весь вечер с Розой Игнатъевной провели у нас дома.

Эта посещение Башкортостана оказалось для него прощальным.

Последнее время Александр Владимирович много болел, и я часто встречался с ним в больнице. Он был рад нашим встречам, на которых мы планировали новые совместные экспедиции, в том числе в Крым, где Ю.В. Казанцев открыл шарьяжные структуры. Роза Игнатъевна поддерживала наши планы, объясняя, что врачи советуют А.В. Пейве вести активный образ жизни.

В одно из последних посещений в больнице Александр Владимирович, по-видимому, из-за слабости, встретил меня лежа в кровати. Во время разговора он сказал: «Хорошо бы написать нам книгу, в которой собрать воедино все надежно доказанные факты о шарьяжах». Я, естественно, согласился. Неожиданно глаза его заблестели, и он, то ли растрогавшись, то ли почувствовав себя неважно, отвернул лицо к стене. Вообще я его не помню подавленным, он всегда был ровным и жизнеутверждающим, хотя знал и говорил, что в их роду у всех слабые сосуды и поэтому нет долгожителей.

Лишь один раз он посетовал на то, что некие силы в ГИНе, ссылаясь на болезнь, пытаются сместить его с директорского поста. «Ничего у них не получится», — бодро завершил он эту тему. Понимая, что такая ситуация не способствует улучшению его самочувствия, я сильно огорчился. Жестокость в человеческих отношениях пришла в нашу научную среду как наследие большевистского режима, разрушившего культурные традиции дореволюционной российской интеллигенции, отличавшейся более мягкими нравами.

В последний раз Александр Владимирович позвонил мне вечером домой за две или три недели до смерти. Он попросил меня повторить то, что я рассказывал ему в один из своих приездов в Москву о происхождении рудных месторождений Урала. «Роза, слушай, что говорит Мурат Абдулхаквич, и записывай», — попросил он Розу Игнатьевну, слушавшую наш разговор по параллельному телефону. Я говорил ему о том, что имеются убедительные данные о генетической связи железорудных и медноколчеданных месторождений с шарьяжно-надвиговыми структурами.

На похороны А.В. Пейве, в декабре 1985 г. мы поехали вместе с Т.Т. и Ю.В. Казанцевыми. Смерть Александра Владимировича для нас означала невозполнимую утрату выдающегося ученого, единомышленника, друга и учителя. В растянувшейся траурной колонне мне запомнилась фигура скорбно шагавшего В.В. Белоусова с большим букетом цветов.

Вскоре после кончины Александра Владимировича я вновь был в Москве и нанес визит Розе Игнатьевне. Во время разговора она неожиданно спросила меня, не хочу ли я стать директором ГИНа? Я был озадачен и поинтересовался, почему она меня об этом спрашивает? «Александр Владимирович, разговаривая со мной, назвал Вашу фамилию первой», — ответила она. Я знал, что на эту должность имеются претенденты из числа ученых ГИНа, и заметил Розе Игнатьевне, что во избежание осложнений они предпочтительнее. «Тогда, значит, Книппер», — сказала она.

P.S. Спустя еще какое-то время, будучи в Москве, я зашел в ГИН. Светлана Вениаминовна Богданова, встретив меня, отвела в сторонку и заговорщически сообщила, что к шарьяжам здесь поостыли

и все интересуются астроблемами. «Знаменитый ГИН без своего пастыря растерялся», — подумал я. Но судьба мобилизма уже не внушала опасений, и, несмотря на откаты (особенно длительный на Урале), завершилась всеобщим признанием.

Выходя из здания ГИНа, напоследок я взглянул на стоящее напротив темно-серое здание, в котором мы жили раньше. Над ним неслись хмурые облака, сквозь которые пробивались яркие лучи солнца, ассоциировавшиеся в моем сознании с образом А.В. Пейве, непоколебимого оптимиста, стремившегося светом истины рассеять туман заблуждений.

Истина не страдает оттого, что ее не признают, изрек невозмутимый философ. Страдает не истина, страдают люди, как признающие, так и отрицающие ее, рассуждал я про себя, не подозревая, что подтверждение этих невеселых мыслей не заставит себя долго ждать. В ГИНе я больше не бывал.

Литература:

Башкирская АССР. Геологическая карта / *М.А. Камалетдинов, Н.А. Гайсин, Ю.В. Казанцев, Т.Т. Казанцева и др.* М.: ГУГК, 1980.

Пейве А.В. Общая характеристика, классификация и пространственное расположение глубинных разломов. Главнейшие типы глубинных разломов. Статья 1 // *Изв. АН СССР. Сер. геол.* 1956. № 1. С. 90–105.

Пейве А.В. Тектоника и магматизм // *Изв. АН СССР. Сер. геол.* 1961. № 3. С. 36–54.

Пейве А.В. Горизонтальные движения земной коры и принцип унаследованности // *Геотектоника.* 1965. № 1. С. 30–37.

Пейве А.В. Океаническая кора геологического прошлого // *Геотектоника.* 1969. № 4. С. 5–23.

Пушаровский Ю.М. Среди геологов. М.: Геос, 1999. 188 с.